

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(430).09"20"

EDN QUXUKB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-126-131>

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СБОРНИКА РАССКАЗОВ БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ДЕЗЕРТИРЫ ЛЮБВИ»

Гриднева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, n.gavrilina83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1886-6040>

Аннотация. Статья посвящена изучению экзистенциальной проблематики рассказов, вошедших в сборник «Дезертиры любви» (“Liebesflüchten”, 2000) современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка. Ключевые идеи, развиваемые автором, рассматриваются с опорой на труды ведущих представителей экзистенциальной философии (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю) и в контексте традиций, заложенных в немецкой литературе писателями-экзистенциалистами. В частности, особое внимание уделяется проблеме выбора между подлинным и неподлинным бытием. В то время как первое, согласно философии экзистенциализма, предполагает личностную самореализацию, свободу человека быть самим собой, второе, напротив, означает фактический отказ от своих глубинных потребностей, предательство собственных принципов и идеалов в угоду чужим ожиданиям, общественной морали и т. п. Изображая своих героев в пограничной ситуации, обнажающей иллюзорность их мнимого благополучия, Б. Шлинка показывает, насколько этот выбор может быть тяжел и в то же время насколько он необходим – как единственная возможность обретения гармонии и свободы. Темы, составляющие экзистенциальную проблематику сборника, – подлинное и неподлинное бытие, пограничная ситуация, свобода выбора, ответственность, Вторая мировая война, – являются ключевыми для всего творчества Б. Шлинка, что позволяет говорить об идейно-тематической близости сборника романам писателя.

Ключевые слова: Бернхард Шлинка, «Дезертиры любви», современная немецкая литература, экзистенциализм, самоидентификация, немецкая вина, Вторая мировая война.

Для цитирования: Гриднева Н.А. Экзистенциальная проблематика сборника рассказов Бернхарда Шлинка «Дезертиры любви» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 126–131. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-126-131>

Research Article

EXISTENTIAL ISSUES IN THE COLLECTION OF SHORT STORIES BY BERNHARD SCHLINK “FLIGHTS OF LOVE” (“LIEBESFLÜCHTEN”, 2000)

Natalia A. Gridneva, PhD Philology, Associate Professor, Samara State Technical University, Samara, Russia, n.gavrilina83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1886-6040>

Abstract. The article deals with the existential issues raised in the collection of short stories “Flights of Love” (“Liebesflüchten”, 2000) by Bernhard Schlink, one of the key contemporary writers from Germany. The main ideas developed in the stories are considered with the support of the works by the leading representatives of existential philosophy (Martin Heidegger, Karl Theodor Jaspers, Jean-Paul Charles Aymard Sartre, Albert Camus) and in the context of traditions started by the German existentialist writers. Particular attention is paid to the problem of authentic and inauthentic existence. In existential philosophy, the idea of authenticity means that one has to create oneself and act in line with this self, while inauthenticity, in contrast, is connected with a rejection of one’s self-identity and freedom to meet someone else’s expectations and earn more social approval. Bernhard Schlink reveals the difficulty of this choice showing his characters in a border situation, which suddenly uncovers the illusiveness of their imaginary welfare. The ideas related to the existential issues of “Flights of Love” are typical for the all works of Bernhard Schlink, and it allows seeing an ideological and thematic proximity of short stories to his novels.

Keywords: Bernhard Schlink, “Flights of Love”, contemporary German literature, existentialism, self-identification, German guilt, World War II.

For citation: Gridneva N.A. Existential issues in the collection of short stories by Bernhard Schlink “Flights of Love” (“Liebesflüchten”, 2000). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 126–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-126-131>

Черты типичного экзистенциального мировосприятия в прозе Бернхарда Шлинка отмечают многие исследователи, изучающие, в частности, проблему осмысления немецкого исторического опыта, вопросы самоидентификации, ответственности, справедливости, свободы и другие ключевые темы в его творчестве [Гущина; Bakr, Abdul, Alipour; Wehdeking]. В своей монографии, посвященной проблеме влияния экзистенциальной философии на произведения немецких литераторов XX–XXI веков, Т.А. Шарыпина упоминает Б. Шлинка в ряду наиболее ярких современных писателей-экзистенциалистов, отмечая, что его творчество «перенасыщено экзистенциальной проблематикой», во многом объединяющей важнейшие его произведения [Шарыпина 2020: 105]. Заметим, что основное внимание исследователей приковано к романам Б. Шлинка («Чтец», «Возвращение», «Женщина на лестнице», «Ольга», «Внучка»), однако, на наш взгляд, его малая проза с этой точки зрения представляет не меньший интерес.

Сборник рассказов «Дезертиры любви» («Liebesflüchten») [Schlink] вышел в 2000 году, и нельзя сказать, что он остался незамеченным. Книга была выпущена рекордным для малой прозы тиражом в 650 000 экземпляров и полностью раскуплена, переведена на многие языки (в том числе русский), собрав положительные отклики в соответствующих разделах ведущих мировых СМИ, один из рассказов («Другой мужчина») был успешно экранизирован. Наша цель – раскрыть экзистенциальную проблематику сборника, созвучную идеям М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю и продолжающую традиции, заложенные в немецкой литературе В. Борхертом, Г. Беллем, Г.Э. Носсаком и другими представителями экзистенциального направления.

В сборнике «Дезертиры любви» Б. Шлинка в типичном для экзистенциалистов ключе сосредотачивает свое внимание на отдельном человеке, причем нередко в его драматичном конфликте с окружающей средой. Конфликт между личностью и обществом, конечно, не является изобретением экзистенциалистов, но получил у них глубокое осмысление. «Возвышенное – асоциально», – заявлял Г. Бёлль в своих франкфуртских лекциях, противопоставляя абсолютные ценности – те, что составляют духовную опору существования личности и определяют ее нравственную силу, – ценностям социальным, делающим человека жертвой идеологии, заложником навязываемого «общественного долга» [Böll: 107]. Героями писателей-экзистенциалистов часто становятся одинокие, отвергнутые обществом или не способные влиться в него люди, иногда психологически травмированные тяжелым опытом войны, очень чувствительные к привычным для других лицемерию и фальши. Показывая трагическую уязвимость человека перед ли-

цом общества и государства, экзистенциалисты делают упор на абсолютной и безусловной ценности личности, ее праве на автономию и индивидуальность, на собственный духовный путь.

В сборнике Б. Шлинка чаще всего противопоставляет личность ее ближайшему окружению – семье. В нескольких рассказах писатель изображает супругов, живущих друг с другом не по любви, но по привычке, и силу привычки здесь не следует недооценивать. Б. Шлинка показывает ее необыкновенную власть над человеком, который зачастую не мыслит себя в иных, новых для него обстоятельствах.

Так, герой рассказа «Другой мужчина» (“Der Andere“) после смерти жены, испытывая абсолютную растерянность и подавленность, признает, что тоскует не столько по умершей супруге, сколько по утраченному им теперь укладу. Собственно, в некоторой степени вся его история – о необыкновенной укорененности человека в привычной для него среде. Раскрывшийся факт многолетних отношений жены с другим мужчиной вырывает у героя почву из-под ног, ставя под вопрос весь его прошлый опыт, в каком-то смысле лишая его прошлого и вместе с ним возможности самоидентификации. Его переписка с бывшим любовником жены и последующее с ним знакомство есть именно попытка переосмыслить свое прошлое в свете открывшихся фактов и таким образом вернуть его себе.

Главная опасность привычки, как показывает Б. Шлинка, в том, что она заглушает в человеке голос его собственного «я», мешает осознать свои глубинные потребности, часто заставляя подчинять свою жизнь чужим ожиданиям, общественной морали и т. п. Цепляясь за привычное прошлое, человек зачастую предает сам себя, лишает себя возможности подлинного бытия.

В рассказе «Девочка с ящеркой» (“Das Mädchen mit der Eidechse“) для матери героя жизнь становится невыносимой без супруга, хотя она не испытывает к нему ничего, кроме обиды и презрения. Не познавшая счастья в браке и даже столкнувшаяся с насилием со стороны мужа, героиня, тем не менее, недоумевает, услышав весьма закономерный вопрос сына о том, почему же она вопреки всему не решилась на разрыв с его отцом: «...eines Tages sind diese Tätigkeit und jener Mensch dein Leben geworden, und warum du beim Leben bleibst, ist eine ziemlich dumme Frage» («...однажды эта работа и тот человек становятся твоей жизнью, а почему ты не расстаешься с жизнью, довольно глупый вопрос»; перевод здесь и далее наш. – *Н. Г.*) [Schlink: 16].

Утратив былые чувства, продолжают оставаться вместе и герои рассказа «Женщина у бензоколонки» (“Die Frau an der Tankstelle“). Совместная жизнь давно не делает их счастливыми, но сила привыч-

ки крайне затрудняет возможное «дезертирство». От семьи осталась лишь видимость, автор делает акцент на ритуальном характере совместной жизни героев, где форма заменила собой содержание: «...sie hatten sich das Leben in seinen Ritualen durchaus vernünftig und befriedigend eingerichtet» («...свою жизнь во всех ее ритуалах они обустроили исключительно продуманно и удовлетворительно») [Schlink: 162].

В философии экзистенциализма склонность к самообману рассматривается как одно из свойств самой человеческой природы. По Ж.-П. Сартру, человек реализует образы существования, соответствующие его представлениям о себе самом. Речь не идет о каком-то сознательном притворстве или игре. Напротив, человек сам находится в абсолютной власти самообмана, в иллюзии, в каждый момент репрезентации веруя в то, что он является тем, чем кажется [Сартр 2000].

Лишь в условиях того, что экзистенциалисты называют «пограничной ситуацией» (К. Ясперс), перед человеком вдруг обнажается лживость, иллюзорность его мнимого благополучия. Подтолкнуть к «экзистенциальному озарению» (К. Ясперс) могут разные обстоятельства [Ясперс]. Философы-экзистенциалисты чаще всего говорят в этой связи о страхе смерти (вспомним один из хайдеггеровских экзистенциалов «бытие-к-смерти» [Хайдеггер]). Впрочем, следует иметь в виду смерть не только в ее физическом, но и в духовном, ментальном измерении. Предчувствие приближающейся гибели позволяет человеку со всей остротой осознать, прочувствовать хрупкость бытия и обращает его взор внутрь самого себя в поиске истинных смыслов и ценностей.

Собственно, противопоставление подлинного и неподлинного бытия является ключевым моментом всей экзистенциальной философии. Первое подразумевает полноценную реализацию человеком своей сущности, а второе – фактический отказ от нее. «Пограничная ситуация» и есть ситуация выбора между ними. В сборнике Б. Шлинк показывает, насколько этот выбор может быть тяжел. «Nachdenken verlangt Zeit, Entscheiden verlangt Mut, so pflegte er zu sagen, und er wusste, dass ihm jetzt nicht die Zeit zum Nachdenken, sondern der Mut zum Entscheiden fehlte» («Раздумье требует времени, решимость требует мужества, так он обычно говорил, и он знал, что сейчас ему не хватает не времени на раздумье, а мужества, чтобы решиться»), – описывает он чувства одного из героев, который никак не может найти в себе силы уйти от жены [Schlink: 169]. Разумеется, особый драматизм ситуации придает тот факт, что речь идет о самых близких людях. Героиня рассказа «Измена» («Seitensprung»), сильная, зрелая личность, четко осознающая свои потребности и готовая за них бороться, смело бросает вызов государственной системе, но не находит в себе сил отстоять свою правду в конфликте с мужем, который, опасаясь

за безопасность жены, втайне от нее вступает в контакт со спецслужбами ГДР.

Тем не менее для многих героев сборника прежняя жизнь оказывается более невыносимой, и они, чувствуя угрозу полного внутреннего разлада, начинают искать возможности «сбежать». «Ich weiß noch nicht, wohin ich will, aber ich weiß, dass ich wegwill. Es war alles so viel. Ich muss zu mir selbst kommen» («Я еще не знаю, куда я хочу, но я знаю, что хочу бежать. Слишком много было всего. Я должен прийти к самому себе»), – рассуждает герой рассказа «Сладкий горошек» („Zuckererbsen“) [Schlink: 102]. Эта идея побега, отраженная в том числе в самом названии сборника, отсылает к еще одной важнейшей категории, характеризующей подлинное бытие, – к свободе.

В философии экзистенциализма выбор неразрывно связан с категорией свободы: для экзистенциалистов свобода – это, прежде всего, свобода выбора. Человек творит сам себя, реализует себя как своего рода проект [Сартр 1990], совершая выбор в пользу тех или иных возможностей. Наша сущность не предопределена существованию, не дана нам изначально, но изобретается нами в творческом акте самосозидания. Приобщение к экзистенциальному измерению бытия, кроме прочего, подразумевает, что человек сам выбирает, каким ему быть и как этого достичь. Выбор в пользу свободы редко дается легко, но он дарует человеку возможность обретения подлинного бытия, гармонию с самим собой и миром. В сборнике Б. Шлинк выводит несколько таких героев.

В рассказе «Девочка с ящеркой» молодой человек не повторяет ошибку матери, полностью потерявшей себя в отношениях с нелюбимым мужем, и это его спасает. Сожжение им картины, попавшей в их дом, как выясняется, вследствие преступных действий отца-фашиста, есть своего рода акт самоидентификации, утверждение себя как автономной, независимой личности, выбор свободы быть самим собой. Для героя картина – это сокровище, его тайна, неотъемлемая часть жизни. Тем не менее, узнав ее историю, он идет на болезненный разрыв этой крепчайшей с ней связи, ибо сохранение картины значило бы для него принятие преступлений отца и, следовательно, предательство собственных моральных принципов, составляющих основу его существования как личности.

Мужества принять болезненное, но единственно верное для сохранения собственной идентичности решение хватает и герою рассказа «Женщина у бензоколонки». Для него, много лет по привычке живущего с нелюбимой супругой, моментом «экзистенциального озарения» оказывается случайная встреча с работницей бензоколонки во время путешествия с женой. Эта женщина – мистическое воплощение многолетних потаенных фантазий героя, которые в условиях исключительно рациональной и дисциплинирован-

ной совместной жизни супругов воспринимаются как голос его глубинного «я», тоскующего по свободе и истинной гармонии. Неслучайно автор замечает, что наши мечты часто составляют яркий контраст к тому образу жизни, который мы ведем. Встреча на бензоколонке не позволяет герою больше игнорировать свой внутренний голос, и он уходит от жены. Это решение не дается ему легко. Автор сосредотачивает внимание на противоречивых чувствах героя, все еще испытывающего к жене большую привязанность, но уже давно не ощущающего себя рядом с ней счастливым. Сомнения, душевные метания сохраняются у героя и после разрыва с женой. Окончательную ясность вносят лишь последние строки рассказа, в которых автор не прямо, но, констатируя новое для героя ощущение времени, подтверждает правильность принятого им решения. «Er hatte das Gefühl, er habe unendlich viel Zeit» («У него было чувство, будто он имеет бесконечно много времени») [Schlink: 173], – так заканчивается рассказ, и в этом ощущении героя, ранее страдавшего от навязчивых мыслей о быстротечности жизни, видится обретение свободы и гармонии, которые наполняют каждый миг особым смыслом и таким образом вырывают его из всепоглощающего потока времени.

Важно и то, что выбор, каким бы он ни был, неизменно предполагает ответственность [Сартр 1990; Хайдеггер; Ясперс]. Для Б. Шлинка этот вопрос обретает особую значимость, что не в последнюю очередь связано с его профессиональным самосознанием как юриста, а также со значительно повлиявшей на него идеологией протестантизма, предполагающей, кроме прочего, перенос акцента с послушания духовным наставникам на индивидуальную ответственность перед Богом. Как замечает Т.А. Шарыпина, именно два этих фактора в самой значительной степени определяют авторскую модальность романов писателя [Шарыпина 2022]. В сборнике он также поднимает этот вопрос, показывая героев, расплачивающихся за свое слабование либо неблагоприятие.

Рассказ «Сын» (“Der Sohn”) – это трагичная история мужчины, который всю жизнь принаравливается к людям и обстоятельствам, а при разводе с женой фактически отказывается от борьбы за единственного сына, предавая таким образом и ребенка, и себя. Пытаясь избежать возможных конфликтов и строго следуя правилам хорошего тона, в противостоянии с внешней средой герой сдает свои позиции одну за другой. Сохраняя видимость размеренной, вполне благополучной жизни, он на самом деле закономерно движется к собственному краху. Рассказ заканчивается гибелью героя, но не менее страшным для него оказывается предшествовавшее смерти мучительное осознание того, что жил он и был самим собой лишь «наполовину».

В погоне за счастьем герой рассказа «Сладкий го-

рошек» вступает в отношения с тремя женщинами, и эта тройная жизнь буквально разьедает его личность, расщепляет его «я», которое растворяется в многообразии играемых ролей. Поначалу не без удовольствия чувствующий себя искусным жонглером, герой, как видится ему впоследствии в тревожных снах, хоронит себя под грудой тарелок, горящих факелов и колец, которых становится слишком много и которыми он уже не в состоянии управлять. Безответственная игра с тремя женщинами неожиданным для него образом оборачивается игрой с собственным «я».

Не меньшее легкомыслие мы видим в рассказе «Обрезание» (“Beschneidung”). Его герой, немец по национальности, решается на соответствующую операцию, желая положить конец усиливающимся разногласиям со своей еврейской возлюбленной. Вопрос общенациональной немецкой вины не кажется Анди столь однозначным, сколь он представляется Саре. Бесконечные споры не приводят героев к консенсусу, но, напротив, все яснее обнаруживают разницу двух мировоззрений. В итоге герой совершает обрезание, видя в нем легкий способ уподобления Саре и, следовательно, ключ к решению всех проблем. Однако попытка перехода в другой мир оказывается неудачной. Обрезание не сближает влюбленных и, хуже того, наносит удар по немецкой идентичности героя. Не приблизившись, как желалось, к миру Сары, Анди также теряет связь со своим миром, больше не принадлежит ему, чувствуя себя застрявшим в пограничье – на «ничейной земле».

Концентрируя внимание на конкретном человеке, его чувствах и мироощущении, Б. Шлинка также поднимает в сборнике вопросы, связанные с осмыслением общенационального исторического опыта. Примечательно, что развитие экзистенциализма в Германии самым непосредственным образом связано с ключевыми пережитыми страной катаклизмами XX века (Первая и Вторая мировые войны, а также разделение и последующее воссоединение). Именно в эти непростые периоды немцы сталкиваются с трагическим ощущением «заброшенности», абсолютной растерянности, обреченности и одиночества, что и становится ключевым предметом осмысления у экзистенциалистов.

Для Б. Шлинка, родившегося в 1944 году и принадлежащего к первому послевоенному «поколению детей», тема Второй мировой войны оказывается особенно важной. Напомним, что этот трагический опыт оценивался в послевоенной Германии по-разному. Очень показательна в этом плане история М. Хайдеггера и К. Ясперса: в то время как первый так и не раскалялся в сотрудничестве с гитлеровским режимом, второй до конца жизни не мог простить себе недостаточно деятельное ему сопротивление. В разгоревшемся споре между теми, кто был готов признать индивидуальную ответственность каждого за разразившуюся

мировую катастрофу, и теми, кто предпочитал списывать всё на внешние обстоятельства, писатели-экзистенциалисты того времени были на стороне первых. В своих произведениях, обращаясь к трагическому опыту отдельного человека в условиях войны, показывая его уязвимость перед лицом идеологически заряженного общества и государства, В. Борхерт, Г.Э. Носсак, Г. Белль и другие авторы изображают разные характеры и разные судьбы, но, так или иначе, ставят вопрос о возможности сопротивления индивида и, следовательно, его ответственности за выбранный путь. В этом плане ближе, чем все иные философы-экзистенциалисты, им оказывается А. Камю с его идеей бунта, вырастающего из стремления человека к порядку и гармонии, из его отказа смириться с абсурдом своего существования, подразумевающим неизбежный разлад между духовной природой личности и ее социальной средой [Камю].

В сборнике «Дезертиры любви» попытки осмысления тяжелых периодов немецкой истории предпринимаются в рассказах «Девочка с ящеркой», «Обрезание» и «Измена» (в первых двух – это Вторая мировая война, в последнем – послевоенное разделение Германии на западную и восточную части). В принципе не склонный к категоричным суждениям, но, напротив, неизменно выступающий за «объективный подход и необходимость демонстрации разнополярных мнений» [Гущина, Чугунов: 359], Б. Шлинка и здесь оставляет читателю возможность сделать выводы самостоятельно. Он воздерживается от безапелляционных обвинений, навешивания ярлыков, не упуская из вида сложность и неоднозначность некоторых ситуаций, в том числе вопроса общенациональной немецкой вины, но на примере своих героев, по-разному проявляющих себя в непростых исторических обстоятельствах и по-разному их оценивающих, писатель показывает необходимость верного морального выбора и раскаяния.

Жанровые границы рассказа, конечно, не предполагают глубокой и детальной проработки исторических вопросов, как это имеет место в большинстве романов Б. Шлинки с их «серьезным, панорамным представлением национальной истории» [Чугунов: 190]. Однако, как и в большой прозе писателя, в рассказах сборника история страны оказывается не просто фоном, пассивным и безучастным по отношению к разворачивающимся судьбам героев, но во многом определяющим фактором развития их отношений, возникновения и разрешения внутренних конфликтов.

Итак, как можно заключить, в рассказах сборника «Дезертиры любви» получил осмысление целый ряд экзистенциальных проблем человеческого существования. Б. Шлинка обращается к опыту отдельного человека, часто изображая его в пограничной ситуации, требующей сделать выбор, принять то или иное

решение, подвести некоторые итоги. Очень важной оказывается способность героя отличить истинное от ложного, т.е. свое настоящее «я» от привычной, но уже чуждой этому «я» роли. Б. Шлинка показывает, сколь губительным может быть неподлинное бытие, значительно ограничивающее свободу человека, делающее его заложником собственных привычек, устоявшихся ритуалов, старых иллюзий, которые не могут наполнить его жизнь истинным смыслом и потому лишают возможности стать счастливым. Решение сбросить маску не является простым, но ее сохранение чревато для героя риском последующего неприятия самого себя, появлением болезненного ощущения проживания чужой жизни.

Вопросы национальной истории также не остаются в сборнике без внимания, хотя эта тема, не в последнюю очередь в связи со спецификой жанра, не получает здесь такого широкого освещения, как в ключевых романах писателя. Тем не менее подход Б. Шлинки к данной проблеме остается тем же: судьбу страны он органично переплетает с судьбой отдельного человека, так что в этой переключке со всей ясностью раскрывается драматизм и той, и другой. Изображаемые исторические события, в том числе те, к которым герои не имеют непосредственного отношения (как, например, Вторая мировая война в рассказе «Обрезание»), оказываются для них своего рода проверкой на личностную зрелость, подразумевающую, кроме прочего, индивидуальную ответственность за собственную позицию, готовность отстаивать свою правду в противостоянии с внешней средой, способность к свободному выбору.

Рассмотренные темы, составляющие проблемное ядро «Дезертиров любви», являются ключевыми для всего творчества Б. Шлинки, что, несомненно, позволяет говорить об идейно-тематической близости сборника романам писателя. В стилистическом отношении здесь Б. Шлинка также остается верен себе. Сохраняя лаконичный, сдержанный тон, он апеллирует в большей степени не к эмоциям, но к разуму своих читателей, ждет от них не столько сочувствия к героям, сколько совместного размышления, делает упор не на изяществе формы и не на выверенном психологизме характеров, но на идейном содержании своих произведений.

Список литературы

Гущина А.И. Проблема поиска себя и символика концепта «лестница» в романе Бернхарда Шлинки «Женщина на лестнице» // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3, № 5. С. 57–60.

Гущина А.И., Чугунов Д.А. Отражение темы объединения Германии в современной немецкой литературе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 358–360.

Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Москва: Политиздат, 1990. 415 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: опыт феноменологической онтологии. Москва: Республика, 2000. 639 с.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Москва: Политиздат, 1990. С. 319–345.

Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: Академический проект, 2015. 460 с.

Чугунов Д.А. Особенности репрезентации прошлого в прозе Бернхарда Шлинка // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 2. С. 186–201.

Шарыпина Т.А. Экзистенциализм и литературное сознание Германии XX – начала XXI вв. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 128 с.

Шарыпина Т.А. Поэтологические функции авторской модальности в художественной практике Ф. Фюмана и Б. Шлинка // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022. Т. 44, № 1. С. 81–88.

Ясперс К. Разум и экзистенция. Москва: Закон+: РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.

Bakr A.M., Abdul Z.K., Alipour A. Unveiling Hanna Schmitz: a sociocultural analysis of morality, guilt, and memory in Bernhard Schlink's *The Reader*. *Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature and Language Teaching*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 86–97. <https://doi.org/10.30743/ll.v8i1.9059>

Böll H. *Frankfurter Vorlesungen*. München, DTV, 1968, 136 s.

Schlink B. *Liebesflüchten: Geschichten*. Zürich, Diogenes Verlag AG, 2000, 173 s.

Wehdeking V. *Deutsch-deutsche Familien-Erinnerungen und späte Identitätskonflikte: Bernhard Schlink: „Die Enkelin“ (2021). Der intermediale Nachhall. Bildikonen der jüngsten DDR-Generation in der Post-DDR-Literatur*. Baden-Baden, Tectum, 2024, s. 123–130. <https://doi.org/10.5771/9783689001254>

References

Chugunov D.A. *Osobennosti reprezentatsii proshlogo v proze Bernkharda Shlinka* [Representation of the Past in Bernhard Schlink's fiction]. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 186–201. (In Russ.)

Iaspers K. *Razum i ekzistentsiia* [Mind and Existence]. Moscow, Kakon+ ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2013, 336 p. (In Russ.)

Gushchina A.I. *Problema poiska sebja i simbolika kontsepta «lestnitsa» v romane Bernkharda Shlinka «Zhenshchina na lestnitse»* [Problem of self-identification and symbolics of the concept “Ladder” in Bernhard Schlink's novel “The woman on the ladder”]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia* [Successes of current science and education], 2017, vol. 3, no. 5, pp. 57–60. (In Russ.)

Gushchina A.I., Chugunov D.A. *Otrazhenie temy ob"edineniia Germanii v sovremennoi nemetskoj literature* [Reflection of the theme of German unification in modern German literature]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [The world of science, culture, education], 2023, no. 2 (99), pp. 358–360. (In Russ.)

Kamiu A. *Buntuiushchii chelovek. Filosofiiia. Politika. Iskustvo* [The Rebel. Philosophy. Politics. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 415 p. (In Russ.)

Khaidegger M. *Bytie i vremia* [Being and Time]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015, 460 p. (In Russ.)

Sartre Zh.-P. *Bytie i Nichto: opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology]. Moscow, Respublika Publ., 2000, 639 p. (In Russ.)

Sartre Zh.-P. *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 319–345. (In Russ.)

Sharypina T.A. *Ekzistentsializm i literaturnoe soznanie Germanii XX – nachala XXI vv.* [Existentialism and literary mind of Germany in the XX and the beginning of the XXI century]. *Nizhnii Novgorod, NNGU im. N.I. Lobachevskogo Publ.*, 2020, 128 p. (In Russ.)

Sharypina T.A. *Poetologicheskie funktsii avtorskoi modal'nosti v khudozhestvennoi praktike F. Fiumana i B. Shlinka* [Poetological functions of authorial modality in the artistic practice of Franz Fühmann and Bernhard Schlink]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2022, vol. 44, no. 1, pp. 81–88. (In Russ.)

Bakr A.M., Abdul Z.K., Alipour A. Unveiling Hanna Schmitz: a sociocultural analysis of morality, guilt, and memory in Bernhard Schlink's *The Reader*. *Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature and Language Teaching*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 86–97. <https://doi.org/10.30743/ll.v8i1.9059>

Böll H. *Frankfurter Vorlesungen*. München, DTV, 1968, 136 s.

Schlink B. *Liebesflüchten: Geschichten*. Zürich, Diogenes Verlag AG, 2000, 173 s.

Wehdeking V. *Deutsch-deutsche Familien-Erinnerungen und späte Identitätskonflikte: Bernhard Schlink: „Die Enkelin“ (2021). Der intermediale Nachhall. Bildikonen der jüngsten DDR-Generation in der Post-DDR-Literatur*. Baden-Baden, Tectum, 2024, s. 123–130. <https://doi.org/10.5771/9783689001254>

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 19.02.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 19.02.2025.